

В.А. АРТЕМОВ

СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ВРЕМЕНИ В ОТЕЧЕСТВЕННЫХ НАУЧНЫХ РАБОТАХ 1920–1930-х гг.

Данная статья является результатом третьего этапа нашего поиска, анализа и описания идей и практики изучения социального времени в отечественной науке. Первый этап включал исследование пионерных попыток разработки программ и собственно эмпирических исследований — статистических и социально-экономических, — связанных с реальным временем социальных групп, его использованием [1, 2]. Вторым этапом была попытка наиболее полно представить эмпирические обследования бюджетов времени разных социальных групп в СССР в 1920–1930-е гг. Нам удалось существенно пополнить список обследований, отметить важные методические и организационные особенности, показать отечественный приоритет в этой области исследовательской и прикладной деятельности [3]. Третьим этапом, результаты которого представлены в данной статье, стал поиск теоретических положений социологического характера о времени, относящихся в основном к 1920–1930-м гг., тоже, как оказалось, пионерных в своей области.

Установленные нами историко-социологические факты могут быть рассмотрены в качестве отечественного вклада в социологию времени на этапе ее становления. В статье подчеркиваются как исторический приоритет, так и содержательная (теоретическая и прикладная) важность рассматриваемых положений.

Остановимся на публикациях и рукописях, на наш взгляд, принадлежащих к истокам теории социального времени. Частое цитирование, которое может показаться чрезмерным, оправдано для нас стремлением познакомить читателей с малоизвестными публикациями.

Подчеркнем, что проблема времени человека, общества как социологическая лишь обозначалась в рассматриваемый период. Мы старались находиться в сфере этой проблематики, рассматривая философские, социологические и естественнонаучные работы.

Артемов Виктор Андреевич — доктор философских наук, профессор. Адрес: 630090 Новосибирск, проспект Академика Лаврентьева, д. 17, Институт экономики и организации промышленного производства СО РАН. Телефон: (383) 330–14–26. Факс: (383) 330–25–80. Электронная почта: arttime@ieie.nsc.ru

Статья подготовлена при поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (грант № 05–06–80261) и Российского гуманитарного научного фонда (грант № 07–03–00521а).

Социологические аспекты времени в философских публикациях

Отталкиваясь от А. Бергсона: И.Н. Дьяков. К моменту выхода книги И.Н. Дьякова «Проблема взаимоотношения субстанции и времени» [11], первой, по нашему мнению, посвященной проблеме времени, в России были опубликованы работы философов Л.М. Лопатина [15] и А. Бергсона [8, 9], непосредственно эту проблему затрагивающие. Отметим также публикацию в российском сборнике статьи «Социология и теория познания» Э. Дюркгейма, который показал, что представление о времени у людей возникло в процессе их «природной» и «социальной» жизни, то есть в природе и общности, подчеркнул коллективный характер времени как ритма [12, с. 56–62] и дал толчок к возникновению, распространению и обогащению термина «социальное время».

Согласно Л.М. Лопатину, самая важная черта времени состоит в том, что «оно течет, непрерывно проходит». «Прошлого уже нет, — пишет он, — будущего, еще нет; все движение времени идет мимо некоторого неподвижного момента *настоящего*... Вся действительность времени заключается в его нереальности». Действительны только неуловимый момент настоящего, мгновение, в котором нет длительности, реальности [15, с. 290–300]. Как отмечал И.Н. Дьяков, это — воспроизведение представления о времени, свойственного механическому естествознанию, в виде однородной прямой линии как некоторого аналога пространства. По мнению И.Н. Дьякова, заслуга А. Бергсона состоит в борьбе с таким пониманием времени. Французский философ (его работы активно издавались на русском языке, а в 1913–1914 гг. вышло пятитомное собрание сочинений), писал, что «ни один вопрос не был в большем пренебрежении у философов, чем вопрос о времени, и, однако, все единодушно объявляют его капитальным» [11, с. 6].

И.Н. Дьяков считает большим вклад А. Бергсона, который показал феномен осознания времени, что было, безусловно, одним из важнейших шагов к «овладению» временем. Именно в борьбе с пониманием времени в виде однородной прямой линии видит заслугу А. Бергсона Дьяков, который под его влиянием, исходя из своего материалистического представления о времени, сделал шаг к собственно «социальному времени». Время едино и самое характерное его свойство — непрерывность, а единство — «интенсивно». Дьяков пишет: «Всякая деятельность (волепроявление) и всякое движение (проявление силы) совершаются *во времени* и необходимо тяготеют к производящему их агенту [субъекту. — В.А.] или *центру*» [11, с. 15].

Касаясь характеристик и соотношения времён, И.Н. Дьяков отмечает: «В прошлом мы чувствуем себя *бессильными* (его события уже не в нашей власти), в настоящем — обладающими действенной, но связанной со всем нашим прошлым *инициативой*, в будущем — свободно *творящими*» [11, с. 6]. Считая, что в настоящем времени дано

«все прошлое как лишенный активности, но все еще живущий “созерцательный” факт, и все будущее, как непредопределенная заранее творческая потенция» [11, с. 7], И.Н. Дьяков подчеркивает активную роль человека, причем человека не только созерцательного, но и действующего.

Суть положений И.Н. Дьякова — в признании связности времени и деятельности, влияния прошлого на настоящее и будущее, в утверждении роли человеческой активности по отношению к настоящему и особенно будущему времени.

Не забывать связь времен: Н.А. Бердяев. В работе «Смысл истории. Опыт философии человеческой судьбы» Н.А. Бердяев тоже ставит вопрос о времени. Он выступает против только «феноменологичности» времени, за его связь «с подлинным бытием», за признание онтологического времени. Основой его идей является представление о времени «как внутреннем периоде», «внутренней эпохе вечности», когда «сущность бытия» понимается как процесс, а не как «бездвижная вечность» [6, с. 402–403].

Как и Л.М. Лопатин, Н.А. Бердяев абсолютизирует бесконечную малость настоящего времени. Главное его положение состоит в единстве прошлого, настоящего и будущего, в отказе от безусловного и весьма абстрактного выдвигания на передний план будущего времени, поклонения только ему и отказе от прошлого. Как реакция на сверхреволюционные идеи покончить с прошлым звучат слова Бердяева о необходимости «подлинной и пребывающей» исторической действительности, которая находится в *прошлом* времени и без которой не было бы настоящего и не будет будущего. О том, что есть «целостная жизнь, которая совмещает три момента времени, — прошлое, настоящее и будущее», что «исторический процесс имеет природу консервативную и революционную» и «лишь взаимодействие этих начал создает историю»; что «в истории <...> действует истинное время, время ноуменальное, а не формальное», что нельзя отворачиваться от прошлого ради «культы будущего» [6, с. 407–409].

Этот приоритет *прошлого* позволил Н.А. Бердяеву провести достаточно объективный анализ предпосылок и формирования в России новой социальной системы, которую он назвал «русским коммунизмом» [7]. Но при этом он практически исключил из рассмотрения *будущее* время, ту резко враждебную международную среду, в которой происходил процесс становления реального «русского коммунизма». Более того, Бердяев в этих условиях упрекал новую социальную систему в «крайнем эгадизме», в «увлечении технической цивилизацией и индустрией» [7, с. 142], без чего эта система не смогла бы выжить, защитить себя.

Актуальное настоящее и необходимость новизны будущего времени: С.А. Аскольдов (Алексеев). Известный философ С.А. Аскольдов начинает свою статью «Время и его преодоление» [5] с замечания, что «философская мысль с давних пор пытается выйти

за пределы времени». И этот выход «совершается простым отрицанием значимости времени для той или иной области бытия» [5, с. 80]. Это один из главных принципов развития науки — до поры до времени устранять из своих построений малоизученное, не совсем понятное, не вписывающееся в существующие конструкции. Такая особенность, в конечном счете, не тормозила ее развитие и не снимала нерешенных проблем, а делала знание более определенным и практически пригодным.

Основное положение С.А. Аскольдова состоит в том, что ответ на вопрос, что есть время, состоит в ответе на вопрос, «что такое изменение. Изменение... составляет корень или сущность времени... Изменение же можно определить как единство прошлого, настоящего и будущего. Объединение это происходит только в сознании или через сознание» [5, с. 81]. Здесь сильна идеалистическая составляющая, так как автор отказывает объективной реальности в «способности» изменяться: «Область материальных изменений, если отмыслить от нее сознание наблюдающего субъекта, в сущности, потеряла бы свою изменчивость» [5, с. 81]. «Изменение, — пишет Аскольдов, — или, что то же, время, есть прежде всего состояние души», это — «психологическое время», в котором есть «своя индивидуальность и субъективность и в этом смысле относительность» [5, с. 82].

Относительность проявляется в том, что «диапазон, или длительность, настоящего неодинаков» у разных людей и при разном психологическом состоянии. (Мы называли это время «актуальным», различая его для разных уровней социальных субъектов, см.: [4, с. 24–26].) У С.А. Аскольдова «неодинаковые диапазоны “теперь” различных отрывков действительности словно концентрическими кругами окружают некоторое общее “теперь”, для некоторых событий [и субъектов. — В.А.] почти точечное» [5, с. 85] (или мгновение, как у Л.М. Лопатина и Н.А. Бердяева).

Но в этом психологическом времени Аскольдов отмечает «объективное содержание», которое состоит, во-первых, в единстве трех времен, во-вторых, в совпадении «центрального срединного пункта» — «теперь», «сейчас». Онтологическое же время как «изменяемость бытия», по его мнению, следует отличать от физического времени, измеряемого только движением [5, с. 83].

В отличие от Н.И. Дьякова, С.А. Аскольдов не придает большого философского и тем более социологического значения теории относительности, так как она не отменяет «однозначного общемирового “сейчас” или “теперь”». Аскольдов считает, ссылаясь на факты однозначности «теперь», что «течение времени есть нечто объективное». И это положение не поколебала и теория относительности, поскольку «время и пространство являются формами опыта даже и в сфере чувственного лишь совпадающими, а не связанными неразрывно» [5, с. 84–88].

Рассматривая «различные способы философского преодоления времени», С.А. Аскольдов считает, что «наиболее полное философское освобождение от времени» дано в теории И. Канта, в которой оно признается только как мысленная форма и которую Аскольдов называет самой «произвольной и неправдоподобной в истории философии». По мнению Аскольдова, «время, т. е. изменение, есть некая-то внешняя бытию форма, словно накладываемая на бытие извне со стороны познавательной способности, но именно свойство самого бытия, его онтологический *modus* или атрибут» [5, с. 91].

С.А. Аскольдов рассматривает три теоретических типа соотношения времен. Во-первых, прошлое, настоящее и будущее вместе делаются настоящим. Во-вторых, «возможно превращение в настоящее одного лишь прошедшего, при сохранении значения будущего, как еще не превратившегося в реальность бытия». В-третьих, «сохранение силы прошедшего при превращении всего содержания будущего в настоящее». В первом случае это «была бы борьба, в которой небытие все же постоянно побеждало бы жизнь». Результатом реализации второй возможности «было бы существенное восполнение нашего эмпирического мира... из которого было бы вырвано жало смерти». «Мысль о лучшем, высшем мире должна нас побуждать... мысленно превращать прошедшее и будущее не в ничто [как получается у Н.А. Бердяева с его бесконечно малым настоящим. — В.А.], а именно в бытие настоящего» [5, с. 93–94]. Полнота бытия невозможна без признания трех времен.

Таким образом, С.А. Аскольдов, не отрицая значения прошлого, актуализирует настоящее время и придает большое значение времени будущему, в известной мере утверждая принципиальное для человека, общества как социальных субъектов значение новизны, изменений.

Проблематика социального времени в естественных науках

Конец абсолютного времени: А.Е. Ферсман, А.Л. Чижевский.

Важные положения по социальной и социологической проблематике времени высказали и ученые, работавшие в области естествознания.

В 1922 г. в Петрограде выходит брошюра академика А.Е. Ферсмана «Время» [21], пронизанная духом активности мысли, деятельности, идеей «овладения временем», «победы над временем». Ферсман, как бы развивая «субъективизм» А. Бергсона, говорит о борьбе человеческой мысли со временем, «которая в своих творческих мечтах опережает его течение»; «творческая мысль побеждает его и победит» [21, с. 3–4].

Вещество, энергия, пространство и само время стали относительными в теориях Г. Минковского и А. Эйнштейна, которые «разбили веру в величие и непобедимость времени, сняли с Хроноса его ореол неприкосновенности, дерзнули в нас самих поколебать наши представления» [21, с. 12]. Эти слова А.Е. Ферсмана, безусловно, относятся

ся не только к физической или математической теории. Здесь мы встречаем термины «победить время», «овладеть временем», имеющие прежде всего социальный, социально-психологический смысл, хотя родились они вроде бы в чистой теории. Они отражают то состояние сознания, те кардинальные перемены, которые происходили в науке и обществе, те ожидания от будущего, которые тогда возникали.

В исследовании другого российского ученого А.Л. Чижевского, начатом в 1915 г., в качестве гипотезы, а в дальнейшем в виде установленного факта показаны статистические закономерности хода исторического процесса на нашей планете, в котором большое значение имеет солнечная активность [22]. Чижевский работал в междисциплинарном поле, на стыке астрономии, истории, физиологии, психологии, социологии, причем исследование наиболее активно велось именно в конце 1910-х и в 1920-е гг. прошлого века. В работах Чижевского время получило свое космическое, солнечное, природное содержание, перестав быть абсолютным, неизменным и в этом отношении, и, прежде всего, в своем «предметном», «причинном» влиянии на жизнь землян. «Солнечное» содержание вошло не только в обыденное, индивидуальное (здесь оно было и ранее), но и в социальное время в его *историческом* модусе.

Теория относительности сама по себе, конечно, была малозначима для общественной жизни, социологии. Но очень важным в социальном и психологическом отношении было преодоление представления об абсолютности времени, его полной независимости от человека и практики. Именно эта сторона открытия в физике имела большое значение для активизации работ в области социального времени, перемен в психологии времени и возникновения зачатков социологии времени как специальной научной отрасли.

Связанное с жизненными явлениями: В.И. Вернадский. Проблема времени привлекла внимание и выдающегося естествоиспытателя В.И. Вернадского. В 1930–1931 гг. он работал над большой рукописью, посвященной проблеме времени в науке и философии (отметим, что запись о единстве пространства и времени он сделал в своем дневнике [10, с. 419] еще в начале 1885 г. в возрасте 21 года) и выступил в конце 1931 г. с докладом на эту тему на общем собрании АН СССР.

Нас привлекают в публикациях и рукописях В.И. Вернадского четыре обстоятельства. Во-первых, оценка 1920-х гг. как периода, когда происходит «исторически небывалое углубление в понятие времени» [10, с. 251], когда «время впервые становится по-новому объектом научного искания и исследования» [10, с. 298]. Эти слова надо отнести не только к естествознанию и философии, но и к социологии, включая в ее круг социальные исследования времени человека, социальных групп, их жизнедеятельности, то есть, по существу, социального времени.

Во-вторых, этот «взрыв научного творчества» В.И. Вернадский связывает как с «историческим переломом в жизни человечества, выступлением народных масс, сознавших свою реальную силу», так и с преодолением в науке ньютоновского абсолютного времени и пространства [10, с. 299].

В-третьих, Вернадский обратил особое внимание на специфическое видение времени в работах Г. Зиммеля и А. Бергсона, времени не природного и даже не «человеческого», «исторического», как Вернадский пишет в ряде случаев, а именно субъектно-человеческого. Правда, во времени-«жизни» Г. Зиммеля и времени-«длительности» А. Бергсона человек является субъектом не реальной, предметной деятельности, а весьма абстрактных жизненного порыва, творческой эволюции (у Бергсона) или процесса творческого становления, постигаемого только во внутреннем переживании (у Зиммеля).

В-четвертых, и это самое главное, В.И. Вернадский дал определение биологического времени, остановившись в шаге от времени социального. Он назвал биологическим «время, связанное с жизненными явлениями» [10, с. 226]. Обращаем особое внимание на слово «связанное». Его использование существенно расширяет объем социального времени, позволяя включить в него и функционирование всего созданного человеком для экономии своего времени или для расширения созидательных возможностей. Считаем, что это одно из важнейших направлений в дальнейшем исследовании социального времени — и как понятия, как реальности.

Проблематика времени в социологических работах

Первый российский социолог нового века о времени: П.А. Сорокин. Уже в начале 1920-х гг. П.А. Сорокина можно было охарактеризовать как наиболее профессионального отечественного социолога, социолога XX века. В определенной мере именно в русский период его научной деятельности под влиянием процессов, характерных для России 1910–1920-х гг., у Сорокина начали формироваться идеи социального времени, социальной и культурной динамики, реализованные уже в США в исследованиях и трудах 1930-х гг. Образно говоря, Сорокин зарубежный «питался российской пищей с западной приправой».

При подготовке «Системы социологии» [19] П.А. Сорокин, с одной стороны, использовал большое количество зарубежной и отечественной социологической литературы, работы практически всех ведущих социологов XIX — начала XX веков. С другой стороны, он пытался на этой базе предложить, выработать новые представления о социологии, ее предмете, объекте, методах, высказать собственное понимание тех или иных общественных явлений, категорий. Однако в «Системе» мы не нашли ни одного упоминания о месте категории

времени в социологическом контексте, о такой ее модификации, как «социальное время», где термин «время» употребляется в модусе исторического, в связи с рассмотрением изменений в обществе. Этот факт достаточно четко свидетельствует, что такое понятие отсутствовало в теоретической социологии того периода, несмотря на отдельные попытки применить данные об использовании времени в анализе экономических и социальных изменений.

Но в своей программе социологического исследования [18], которая обсуждалась и была одобрена в год выхода из печати «Системы социологии», он делает резкий шаг в сторону «структурного» времени, нацеливаясь на изучение структуры повседневной деятельности разных социально-профессиональных групп, выраженной в показателях времени. Здесь напрашивается некоторая аналогия с программой Н.И. Зиберы [17, с. 572–591]. Хотя в той и другой различна цель изучения затрат времени, в обоих случаях предполагалось получить данные о затратах времени на основные виды труда у разных социальных групп. Но Зибер предполагал выйти на доли различных групп в совокупных затратах времени территориальной общности, а Сорокин — на сравнение групп и, возможно, на динамику их различий.

П.А. Сорокин, по нашему мнению, провел первое в мире собственно социологическое обследование использования времени бюджетно-временным методом и сделал принципиальный задел для своей в соавторстве с Р. Мертоном «рубежной» статьи «Social time: A methodological and functional analysis» [23], где использовал термин «социальное время».

«Время» в социологии начала 1930-х гг.: Н.Д. Кондратьев. Выдающийся экономист и социолог Н.Д. Кондратьев подошел в конце 1920-х гг. к этапу подготовки обобщающей работы, как бы реализуя свой оригинальный социолого-экономический подход к обществу, его функционированию и развитию. Понимая под социологией «общую теорию социальных явлений» [14, с. 11], «общую теорию общества» [14, с. 86], а политическую экономию, или «социальную экономию, как часть социологии», Кондратьев использует «историческую» модификацию времени. В том числе в случае анализа отношения причина — следствие, чтобы отделить то, что произошло «до», от того, что произошло «после». Но он почти вплотную подошел и к двум другим модификациям социального времени. По его мнению, наличие связей между людьми (непосредственных и опосредствованных, связей-взаимодействий и связей-воздействий) делает реальной совокупность людей, живущих как в одном месте, так и географически разделенных, как живущих в данный момент, так и живших ранее. А из положения, что деятельность порождает связи между людьми, можно понять, что время рассматривается здесь и как природный ресурс, и как совокупное время действия и взаимодействия субъектов (структурное

время). Н.Д. Кондратьев отмечает, что становится все большим время не собственно удовлетворения потребностей, а создания условий для этого. Он отмечает важные тенденции расширения «представления человека о времени, в частности о будущем времени», и «способности действовать не только в интересах данного момента, но и в расчете на будущее» [14, с. 105], то есть делает акцент на важности будущего времени. Рост значимости будущего времени становится определенной тенденцией в рассматриваемых нами работах, являясь отражением реальных социальных процессов в стране.

Данная работа Н.Д. Кондратьева достаточно адекватно отражает место категории времени в социологической науке рассматриваемого периода. Социальное время в начале 1930-х гг. не имело статуса категории, но его социологическое содержание, хотя и очень медленно, формировалось.

Время индивида и социальных систем: социологическая концепция В.Н. Муравьева¹

В фундаментальной книге «Овладение временем» (1924), фактически посвященной проблемам социального времени, В.Н. Муравьев отмечает, что «во всех науках можно сейчас найти постановку в том или ином виде вопроса о времени» [16, с. 100] и ставит перед собой задачу также рассмотреть этот вопрос — «с философской, логической, математической, социологической и организационной точек зрения». И не только теоретически, но в сочетании с практикой, причем не только с практикой научной, но также с «развивающейся в России за последнее время практикой социально-организационной», используя опыт как отдельного индивида, так и «деятельность социально-исторических групп» [16, с. 96–98].

Подход к индивиду и обществу как системе. Элементы системы. По мнению В.Н. Муравьева, «социологическая» точка зрения на множества (так в общем виде называет социальные и иные системы Муравьев. — В.А.) является «наиболее совершенной» и «общей», хотя в отношении несоциальных систем она «избыточна» [16, с. 105].

В работе выстраивается *последовательность социальных систем,*

¹ Имя этого автора, как представляется, наименее известно российским социологам. Муравьев Валериан Николаевич (1885–1932) закончил Александровский лицей и Парижскую школу политических и социальных наук, по окончании учебы находился на дипломатической службе, затем работал в советских учреждениях и институтах, печатался как поэт, позже — как публицист. В 1929 г. В.Н. Муравьева репрессировали. Анализируя научные достижения начала XX в., он создал собственную концепцию времени. Первая статья этого автора по интересующей нас проблематике «Восприятие времени» написана в 1917 г. [см. Предисловие Г.П. Аксенова в: 16].

или социальных субъектов. Во-первых, это — индивид, состоящий из «физических и биологических элементов» и обладающий разумом [16, с. 235], индивид действующий. Очень важно, на наш взгляд, замечание В.Н. Муравьева, что «сущность личности [индивида, личности — В.А.] не в том, что она хочет отдельности, но также в том, что в этой отдельности она хочет быть всем» [16, с. 224]. Во-вторых, это — «социально-исторические человеческие группы», в которых В.Н. Муравьев видит специфику социологического подхода. В-третьих, подразумевается общность на уровне страны. И, наконец, это — человечество, обитающее на Земле. Заглядывая далеко вперед, он видел «новое, исполненное совершенства разумное время — *произведение* (курсив мой. — В.А.) будущей общемировой культуры» [16, с. 230]. Вот суть настоящего *человеческого* глобализма!

Индивид *действует* как член систем, так как каждое его «действие и мысль имеют природу психологическую, социальную, историческую» [16, с. 104]. В.Н. Муравьев выделяет три главных области реальной *деятельности* людей: «сотворение новых живых существ или воскрешение старых», «изменение отношений между людьми и, соответственно, изменение личности», «изменение мира в виде преобразования материальных вещей» [16, с. 111]. Человек создает своим трудом *культуру*, и Муравьев считает, что значение выработанного многовековой исторической мыслью понятия культуры еще недостаточно осознанно.

Субъекты вступают в процессе деятельности в определенные *отношения*. Муравьев рассматривает социальные и исторические отношения как «*времяобразующие* (курсив мой. — В.А.) факторы», что было очень важно в период, «когда поставлена на очередь в социологических науках проблема организации всякого рода действий, прежде всего действий коллективных» [16, с. 106].

Время «создается» деятельностью. По мнению В.Н. Муравьева, если рассматривать время как реальность, оно есть изменение и движение [16, с. 101], а время человека — не только физическое (астрономическое), но используемое людьми для своей деятельности и жизни, — людьми создается, поскольку «каждый акт, меняющий мир, есть такое созидание» [16, с. 108]. Время — это не кантовская форма сознания. Только там, где есть «обособленное, индивидуализированное *действие* (курсив мой. — В.А.) можно говорить о длительности существования чего-либо» [16, с. 153].

Каждый субъект, система имеют *свое время*. Поскольку члены действующей системы являются сознательными субъектами и создают «свое время», часть времени системы «им подвластна», «остальная же часть остается принудительной для членов системы». Расширение первого и есть «завладение большим кругом временности» [16, с. 153–154], очень похожим на аскольдовское «теперь». Эти круги

времени — вдвойне актуальное настоящее время, то есть для отдельного субъекта и для включающей его социальной системы.

Преодоление времени и овладение временем. В.Н. Муравьев использует два основных термина. Книга называется «Овладение временем», но в ней чаще употребляется термин «преодоление». На наш взгляд, употребляются эти термины в разных смыслах, хотя автор специально это не обсуждает и употребляет их, похоже, как синонимы. «Преодоление времени» обозначает выход на конечность, дискретность времени в конкретной деятельности, в действиях конкретного человека или конкретной социальной системы, сохранение этой деятельности и ее результатов в памяти или в другой форме. Преодолению времени, таким образом, способствуют деятельность и ее материализованные в разной форме результаты, а также знание. «Преодоление времени требует множественности или... коллективности деятеля» [16, с. 145].

«Овладение временем» обозначает свободную деятельность людей в соответствии со знанием законов функционирования и развития общества как социальной системы. Ибо «всякое сознательное целесообразное действие, дающее нам власть над природой (или ее более полное, глубокое знание, понимание, что, по существу — одно и то же. — В.А.) есть в самом деле овладение временем» [16, с. 229].

В.Н. Муравьев считает проблему овладения временем дальнейшим углублением НОТ — научной организации труда, — особенно в части использования времени, поскольку «использование времени переходит в овладение им» [16, с. 98]. (Ярким примером реализации такого перехода можно назвать повседневность профессора А.А. Любищева из повести Даниила Гранина «Эта странная жизнь».) Муравьев справедливо называет овладение временем «одной из главных среди разумных целей человека» [16, с. 107]. По его мнению, овладение временем — это «не стремление к пустому бытию, к продолжительности времени, могущего быть наделенным любым содержанием, а к жизни, содержащей полноту всех осуществляемых возможностей» [16, с. 229].

«Единая» система. В.Н. Муравьев считал, «что есть только один путь овладения временем: установление внутри системы согласия всех ее членов» [16, с. 165]. Чтобы делать это, необходимы знание системы и «способность ее изменять» [16, с. 141]; «будущее оказывается во власти всех участников системы, поскольку они действуют совместно и в согласии» [16, с. 163]. Это положение, как и положение об овладении временем, было актуально для нашей страны того периода. Идеи, которые соответствовали исторической ситуации, были конкретны: выжить, выстоять, кто бы извне ни посягнул на страну, народ, и победить, надеясь на свои способности, труд, терпение и в общем-то на моральную лишь поддержку трудящегося люда остального мира. Требовалось создание «единой», как бы в соответствии с идеями Муравьева, социальной системы, способной это сделать.

Говоря о времени, этот автор, по существу, постоянно имеет в виду именно социальное время, то есть время, «связанное» (несколько видоизменяя слова В.И. Вернадского о биологическом времени) с жизнью человека, с существованием и развитием человеческого общества. Он вплотную подошел к понятию «социального времени», достаточно полно показав его содержание, хотя этот термин и не употреблял. В.Н. Муравьев был одним из первых, кто применил системный подход к анализу функционирования и развития социумов разного уровня с выделением их времени не столько как длительности существования, сколько как совокупного времени.

Выводы

1920–1930-е гг. в нашей стране можно назвать периодом активизации «субъектов» социального времени. При этом основная направленность их усилий выразилось в идее «овладения временем».

Почти все упомянутые научные идеи формально находились за пределами социологии, как она тогда понималась. Исключение составляют теоретическая и эмпирическая попытка П.А. Сорокина использовать показатели времени в изучении влияния профессии на ее носителя, а также частично работы В.Н. Муравьева. Но это не мешает нам оценивать их социологическое значение, исходя из нашего понимания социологии.

Термин «социальное время» в рассмотренных работах еще не употреблялся, хотя под «временем» чаще всего имелось в виду не абстрактное, абсолютное или даже астрономическое время, а именно время человека или общества, которое, соответственно, как-то используется. Революционный период, с одной стороны, «уплотнил» время, интенсифицировал, ускорил многие экономические, политические, культурные процессы. Возникла достаточно стойкая и отвечающая реалиям настроенность на возможность временем «управлять», а по существу так организовывать свою жизнь, что время становится не противником, которого надо преодолевать, а союзником в защите и улучшении жизни.

Указанные работы явились важным, может быть, даже решающим шагом к теории социального времени, хотя почти все они (кроме работ В.И. Вернадского) отсутствуют в обзорных и специализированных публикациях отечественных авторов (не говоря уж о зарубежных). Для примера можно назвать «Онтологию социального времени» О.Н. Ежова [13], сборник «Социология в России» [20].

Наряду с философской позицией в отношении времени в отечественной науке возникла и, по сути, социологическая позиция. В целом получается такое соотношение направлений мысли и практики в рассматриваемый период: в теории, философии — «преодоление» времени, в практике, социологии, управлении — «овладение» временем. Естественно, это два взаимосвязанных течения, хотя, возможно, и без буквальной связи и тем более подкрепления взаимными ссылками.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Артемов В.А.* Исследование бюджетов времени в России: предыстория // Экономическое развитие России: региональный и отраслевой аспекты: Сборник научных трудов. Вып. 2. Новосибирск: ИЭОПП СО РАН, 2001. С. 177–193.
2. *Артемов В.А.* К истории возникновения исследований бюджетов времени // Социологические исследования. 2003. № 5. С. 141–149.
3. *Артемов В.А., Новохацкая О.В.* Эмпирические исследования времени 1920–1930-х гг. // *Артемов В.А.* Социальное время: прикладные и теоретические аспекты исследования. Ч. 1: Предыстория и 1920–1930-е гг. Новосибирск: ИЭОПП СО РАН, 2004. С. 44–73.
4. *Артемов В.А.* Социальное время. Новосибирск: Наука, 1987.
5. *Аскольдов С.* Время и его преодоление // Мысль. 1922. № 3. С. 80–97.
6. *Бердяев Н.А.* Время и вечность // На переломе. Философские дискуссии 1920-х годов: Философия и мировоззрение. М.: Политиздат, 1990. С. 402–410.]
7. *Бердяев Н.А.* Истоки и смысл русского коммунизма. М.: Наука, 1990.
8. *Бергсон А.* Творческая эволюция. М.–СПб.: Русская мысль, 1914.
9. *Бергсон А.* Длительность и одновременность. Пг.: Academia, 1923.
10. *Вернадский В.И.* Философские мысли натуралиста. М.: Наука, 1988.
11. *Дьяков И.Н.* Проблема взаимоотношения субстанции и времени. Этюд: Свобода, стремление и творчество в свете мирового всеединства. М.: Товарищество типографии А.И. Мамонтова, 1916. [На обложке 1917.]
12. *Дюркгейм Э.* Социология и теория познания // Новые идеи в социологии. Сб. 2. СПб.: Образование, 1914. С. 27–67.
13. *Ежов О.Н.* Онтология социального времени. Саратов: Саратов. гос. техн. ун-т, 2000.
14. *Кондратьев Н.Д.* Основные проблемы экономической статики и динамики: Предварительный эскиз. М.: Наука, 1991.
15. *Лопатин Л.М.* Положительные задачи философии. Ч. 1, 2. М.: Типография «Товарищество И.Н. Кушнеревъ и К», 1911.
16. *Муравьев В.Н.* Овладение временем как основная задача организации труда // *Муравьев В.Н.* Овладение временем. М.: РОССПЭН, 1998. С. 93–238.
17. *Руссов А.А.* О статистико-экономической программе Н.И. Зибера // Социология в России XIX — начала XX веков. Социология как наука. Тексты / Под ред. В.И. Добренькова. М.: Международный университет бизнеса и управления, 1997. С. 572–591.
18. *Сорокин П.А.* Влияние профессии на поведение людей и рефлексология профессиональных групп // Вопросы изучения и воспитания личности: Вып. 3. Пг., 1921. С. 397–426.
19. *Сорокин П.А.* Система социологии. Т. 1, 2. М.: Наука, 1993.
20. Социология в России / Под ред. В.А. Ядова. М.: Институт социологии РАН, 1998.
21. *Ферсман А.Е.* Время. Пг.: Время, 1922.
22. *Чижевский А.Л.* Космический пульс жизни: Земля в объятиях Солнца. Гелиотараксия. М.: Мысль, 1995.
23. *Sorokin P.A., Merton R.K.* Social time: A methodological and functional analysis // *American Journal of Sociology.* 1937. No. 42. P. 615–639.